O.V.K — X.T.R

РИТУАЛ

ПОРЯДОК, ПОВТОРЕНИЕ, СВИДЕТЕЛЬ

УСТРОЙСТВО ОБРЯДА И ЕГО ГРАНИЦЫ

O.V.K — X.T.R

РИТУАЛ

ПОРЯДОК, ПОВТОРЕНИЕ, СВИДЕТЕЛЬ

Изложение устройства обряда и его действия —
порог, промежуток и возвращение,
и отчего он работает и без веры в него

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Обряд не убеждает и не доказывает. Он отделяет: до него было одно, после него — другое, и все, кто смотрел, тому свидетели».

— из записей приходского старосты

Книга писана для того, кто устраивает обряды,
и для того, кто в них участвует.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за чудо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧТО ЕСТЬ ОБРЯД

I. Что такое ритуал 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Ван Геннеп: обряды перехода 5
V. Тёрнер: порог и общность 6
VI. Дюркгейм: собрание и подъём 7
VII. Русская линия: обряд в народной жизни 8
VIII. Чем ритуал не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Порог: отделение 11
X. Промежуток 12
XI. Возвращение 13
XII. Повторение и неизменность 14
XIII. Знаки и вещи 15
XIV. Слово, формула, имя 16
XV. Свидетели 17
XVI. Место и время 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОТЧЕГО ОН РАБОТАЕТ

XVII. Обряд и внушение 20
XVIII. Обряд и внимание 21
XIX. Затрата как знак 22
XX. Согласованное движение 23
XXI. Тревога и обряд 24
XXII. Обряд и память 25
XXIII. Обряд без веры 26
XXIV. Кто такие «мы» 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ОБРЯДЫ В ЖИЗНИ

XXV. Рождение и наречение 29
XXVI. Совершеннолетие 30
XXVII. Свадьба 31
XXVIII. Похороны и траур 32
XXIX. Ремесло и посвящение 33
XXX. Войско и власть 34
XXXI. Домашние обряды 35
XXXII. Обряды нынешние 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Пустой обряд 38
XXXIV. Обряд как принуждение 39
XXXV. Личные обряды и навязчивость 40
XXXVI. Чего обряд не может 41
XXXVII. Можно ли изобрести обряд 42
XXXVIII. Правила устроителя 43
XXXIX. Правила участника 44
XL. Заключение: порядок и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧТО ЕСТЬ ОБРЯД

Кто разобрал устройство обряда, отчего он всюду одинаков
и чем он отличается
от суеверия и от представления

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое ритуал

✣

Ритуалом, или обрядом, зовётся действие, совершаемое *по установленному порядку*, ради самого порядка, а не ради прямой пользы, — и совершаемое при свидетелях, хотя бы свидетелем был один сам действующий.

В определении три части, и они же три основания книги. Есть *порядок*: последовательность, которую не переменяют по удобству. Есть *повторение*: обряд делается так же, как делался прежде. Есть *свидетель*: тот, перед кем это совершается и кто удостоверяет совершившееся.

Заметим, чего в определении нет. Нет ни веры, ни божества, ни тайного смысла. Присяга, защита работы, поднятие флага, первое сентября, поминки, ежевечернее укладывание ребёнка — всё это обряды по устройству, каково бы ни было к ним отношение.

Отличие обряда от прочего действия — в том, что *способ важнее следствия*. Кольцо можно надеть и молча; хлеб можно съесть без благословения; диплом можно выслать почтой. Обряд настаивает на способе — и в этом настаивании его работа.

Оттого книга разделена так. Часть вторая — устройство: порог, промежуток, возвращение, знаки, свидетели. Третья — отчего он действует, и действует ли без веры. Четвёртая — обряды жизни. Пятая — граница: пустой обряд, принуждение и мера.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

✣

Латинское *ritus* означало установленный порядок священнодействия, а затем и всякий заведённый обычай; отсюда «ритуал». Русское «обряд» — от «рядить», устраивать, приводить в порядок; тот же корень в словах «наряд», «порядок», «уряд».

Оба слова говорят об одном: *об устроенности, а не о смысле*. Обряд есть прежде всего распорядок; смысл прикладывается к нему после и может меняться, покуда распорядок держится.

Различим слова, которые смешивают. *Обычай* — то, как принято делать вообще. *Обряд* — действие с установленным порядком по особому случаю. *Церемония* — обряд торжественный и явный. *Ритуал* в узком смысле — то же, что обряд; в переносном — всякое повторяемое действие с придаваемым ему значением.

Суеверие — вера в связь, которой нет: примета, оберег. Оно бывает при обряде, но не составляет его. *Привычка* — повторяемое без значения; едва мы придаём ей значение и огорчаемся, нарушив, — она делается личным обрядом.

Держаться будем этих различений. И заметим наперёд: *обряд не нуждается в вере в чудо*. Он нуждается в согласии участников считать происходящее происшедшим.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

✣

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и все три проверяемы наблюдением.

Первое: порядок. Обряд имеет начало, середину и конец, отделённые от обыденного. Отсюда его сила против неопределённости: покуда идёт обряд, известно, что делать, — и это само по себе облегчает.

Второе: повторение. Он совершается так, как совершался; изменения в нём делаются медленно и с трудом. Отсюда чувство, что участвуешь не в своём частном деле, а в чём-то большем и старшем.

Третье: свидетель. Обряд совершается *перед кем-то*, и свидетели делают его действительным. Присяга наедине не есть присяга; свадьба без гостей есть подпись, а не свадьба.

Из третьего основания следует главное. Обряд производит перемену не в веществе, а в *общем знании*: после него все знают, что все знают, что теперь так. Юноша стал мужчиной, двое стали семьёй, ученик стал мастером — и никто не может делать вид, будто этого не было.

Оттого обряд и не отменяется просвещением. Он есть способ устанавливать новое положение вещей между людьми — и другого такого способа нет.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Ван Геннеп: обряды перехода

✣

В 1909 году Арнольд ван Геннеп издал книгу «Обряды перехода» и сделал открытие простое и оттого великое: у всех народов обряды, отмечающие перемену положения, устроены *одинаково*.

Он показал, что всякий такой обряд состоит из трёх частей. **Первая — отделение**: человека изымают из прежнего состояния. Его уводят из дома, стригут, снимают прежнюю одежду, дают молчать.

Вторая — промежуток, названный им пороговою частью: человек уже не тот и ещё не этот. Он в стороне, ему предписаны запреты, он терпит испытание.

Третья — включение: возвращение в общество в новом качестве — с новым именем, одеждой, правами, местом за столом.

Схема эта опознаётся всюду: в посвящении юношей, в свадьбе, в постриге, в похоронах (где переход совершают и умерший, и вдова), в защите работы, в присяге, в выпускном вечере.

Ценность открытия в том, что оно даёт *орудие разбора*: увидев обряд, спрашивают, где здесь отделение, где промежуток и где возвращение. Обряд, в котором нет третьей части, оставляет людей в промежутке — и это первая причина неудачных обрядов, о чём в главе одиннадцатой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тёрнер: порог и общность

✣

Виктор Тёрнер, работавший в Африке в середине века, взял среднюю часть ван Геннепа и показал, что она есть самое существенное.

Пороговое состояние он описал как «ни то ни сё»: человек лишён прежних знаков различия, беден, безымян, послушен, часто наг или одет одинаково с прочими. Все различия сняты — и в этом весь смысл.

Отсюда его второе понятие — *общность*: между теми, кто вместе прошёл порог, устанавливается связь особого рода, равенство помимо званий и состояний. Солдаты одного призыва, однокурсники, спутники по тяжёлой дороге — все знают это чувство.

Тёрнер показал и то, что общность эта *недолговечна*: она либо рассеивается, либо сама обрастает порядком и званиями. Оттого её ищут вновь и вновь — в паломничестве, в празднике, в походе.

Для устроителя отсюда правило: *если хочешь связать людей, проведи их через порог вместе* — через равенство, испытание и общий труд. Ни речи, ни угощение этого не заменят.

И предостережение: порог тем и силён, что человек в нём беззащитен. Оттого испытания посвящения так легко обращаются в издевательство, о чём в главе тридцать четвёртой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дюркгейм: собрание и подъём

✣

Эмиль Дюркгейм в 1912 году поставил вопрос иначе: не что означает обряд, а *что он делает с собранием*.

Он описал явление, названное им коллективным вскипанием: люди, собравшись и делая одно и то же — поя, шагая, хлопая, повторяя слова, — приходят в состояние подъёма, невозможное в одиночку. Собрание чувствует себя единым, и это чувство переносится на предмет обряда.

Отсюда его вывод: обряд служит не столько богам, сколько *обществу*: он периодически возобновляет чувство общности и подтверждает то, что почитается святым. Оттого календарь обрядов есть расписание, по которому общество напоминает себе о себе.

Наблюдение это подтверждается всюду, где люди делают одно вместе: на площади, на трибуне, на службе, на съезде. Об усилении внушаемости в собрании сказано и в книге о внушении.

Оттуда же и его сила, и опасность: подъём не разбирает, чему служит. Тот же приём собирает людей на помощь погорельцам и на самосуд, — и различает их не устройство обряда, а то, ради чего он устроен.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия: обряд в народной жизни

✣

У нас обряд изучали не как отвлечённое понятие, а как живую жизнь деревни, и оттого записи наши подробны.

Календарный круг. Год был размечен обрядами: святки с ряжеными и гаданием, масленица с чучелом и блинами, встреча весны, Иван Купала с огнём и водой, жатва с последним снопом. Всё это — обряды перехода, но не человека, а времени.

Владимир Пропп в «Русских аграрных праздниках» показал устройство этого круга и его связь с трудом и урожаем: обряд ставился в точки перелома — посев, всходы, жатва, поворот солнца.

Обряды жизни записаны не менее подробно: родины и крестины, проводы в солдаты, свадьба с её сватовством, девичником, венчанием и переездом, похороны с плачами и поминками в назначенные дни.

Плачи и причитания — особая наша черта: горе высказывалось не как попало, а *по чину*, в готовых словах и напевах. Плакальщицы вели невесту и покойника одинаково, ибо и то и другое — уход из дома.

Отсюда важное наблюдение: *обряд даёт готовую форму чувству, которое без формы не находит выхода*. Об этом — главы двадцать первая и двадцать восьмая.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем ритуал не является

✣

Отсечём лишнее, ибо слово это употребляют и с пренебрежением, и с преувеличением.

Он не есть суеверие. Суеверие есть вера в связь, которой нет; обряд же не утверждает связи с силами природы — он устанавливает положение дел между людьми.

Он не есть представление. Зритель на представлении знает, что перед ним игра; участник обряда знает, что происходящее *действительно*: после присяги он присягнувший, а после венчания женатый.

Он не есть пустая формальность — хотя и может ею стать, о чём в главе тридцать третьей.

Он не требует веры в чудо. Требуется согласие считать совершившееся совершившимся, о чём глава двадцать третья.

И он не есть привычка. Привычка делается для удобства; обряд — ради самого порядка и при свидетелях.

Что же он есть? *Способ переменить положение вещей между людьми так, чтобы перемена стала общим знанием.* Ни доводы, ни объявления этого не делают: они сообщают, а обряд — устанавливает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УСТРОЙСТВО

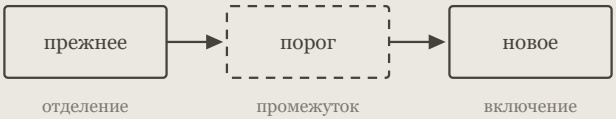
Три части перехода, повторение и знаки,
слово и свидетели,
очерченное место и назначенный час

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Порог: отделение

✣

Всякий обряд начинается с *отделения*: происходящее выводится из ряда обыденного, а участник — из прежнего положения.

ТРИ ЧАСТИ ВСЯКОГО ОБРЯДА ПЕРЕХОДА

Чем отделяют. Местом — уводят, вводят, ставят в круг. Временем — назначают час, отличный от прочих. Одеждой — переодевают, снимают знаки различия. Молчанием — велят не говорить. Порогом вещественным — дверью, воротами, чертой.

Отчего это нужно. Отделение объявляет: *то, что сейчас произойдёт, не есть обыденное*. Без него участники остаются в прежнем строе мыслей, и никакая торжественность слов этого не поправит.

Оттого дурно устроенные нынешние обряды почти всегда грешат первою частью: собрались там же, где работают, в той же одежде, в тот же час — и перемены не произошло.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Промежуток

✣

Средняя часть — та, в которой человек уже не прежний и ещё не новый. Она самая короткая на вид и самая существенная по действию.

Признаки её. Прежние знаки различия сняты; участники равны между собою; действуют запреты — не есть, не говорить, не спать, не выходить; часто есть испытание — трудом, болью, ожиданием, вопросом.

Отчего испытание. Не ради жестокости: пережитое трудное делает переход *заметным*. То, что далось даром, не ощущается происшедшим; за что заплачено — помнится. Об этом же — глава девятнадцатая.

Отчего равенство. В промежутке снимаются различия, и оттого возникает та связь между прошедшими вместе, о коей писал Тёрнер. Оттого посвящаемых ведут разом, а не поодиночке.

Опасность этой части. Человек в ней беззащитен и послушен — и именно здесь обряд легче всего обращается в издевательство и принуждение, о чём в главе тридцать четвёртой.

Правило устроителя: *промежуток должен быть коротким, назначенным и оканчивающимся*. Затянувшийся порог мучителен, а не полезен.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Возвращение

✣

Третья часть — включение в новое положение: и она чаще прочих упускается, отчего обряды не работают.

Как совершается. Новым именем или званием; новой одеждой и знаком — кольцом, поясом, значком, дипломом; новым местом — за столом, в строю, в списке; новыми правами и обязанностями, названными вслух.

Кто совершает. Не сам перешедший, а *принимающие*: общество должно назвать его новым именем и обойтись с ним по-новому. Самопровозглашение обрядом не является.

Чем завершается. Общим столом. Совместная еда есть древнейший знак включения — и оттого свадьба, поминки, посвящение и праздник кончаются угощением у всех народов.

Что бывает без третьей части. Человек остаётся в промежутке: испытание пережил, а нового положения не получил. Так бывает с вернувшимися с войны, которых никто не встретил; с выучившимися, коих никто не признал; с осиротевшими, коим не дали оплакать.

Отсюда правило, важнейшее в этой части: *всякий обряд, начатый отделением, обязан кончиться возвращением*. Незавершённый обряд хуже несовершённого.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Повторение и неизменность

✣

Обряд делается так, как делался прежде, и в этом упорстве — его вторая сила.

Отчего неизменность. Она даёт *предсказуемость*: участник знает, что будет дальше, и потому не тратит внимания на неизвестность. Оттого обряд успокаивает и в горе, когда собственных сил на устроение нет.

Отчего повторение. Оно связывает нынешнее с прежним: то же делали деды, то же будут делать после. Отсюда чувство участия в чём-то большем — и оно не иллюзия, а точное отражение того, что происходит.

Признак древности. Обряды охотно сохраняют устаревшее: старинные слова, вышедшую из обихода одежду, движения, смысл которых утрачен. Это не глупость, а знак: *непонятное свидетельствует о древности*, а древность — о надёжности.

Цена. Неизменность делает обряд негибким: он отстаёт от жизни и однажды перестаёт значить то, ради чего был. Об этом — глава тридцать третья.

Мера же такова: *меняют редко, обдуманно и объявляя о перемене*. Тихая порча обряда по удобству разрушает его вернее открытой отмены.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Знаки и вещи

✣

Обряд говорит вещами, и вещи эти работают не украшением, а *записью*: они остаются, когда слова забыты.

Знак на теле: кольцо, пояс, платок, погоны, стрижка, шрам, татуировка. Он свидетельствует о происшедшем каждому встречному и всякий день напоминает носящему.

Вещь передаваемая: хлеб, чаша, ключ, посох, диплом, ключи от дома. Передача из рук в руки делает переход видимым.

Вещь уничтожаемая: сожжённое чучело, разбитая посуда, брошенный за спину сосуд. Уничтожение объявляет, что прежнее кончилось безвозвратно.

Одежда. Особая, надеваемая лишь для случая; и переодевание как самое действие перехода — из девичьего в бабье, из штатского в мундир.

Правило устроителя: *вещь должна быть немногочисленна и переживать обряд*. Одна вещь, оставшаяся у человека, стоит десяти, употреблённых и убранных.

И заметим: вещь работает и без объяснения. Кольцо на пальце понимают все, не спрашивая, откуда обычай; в этом сила знака перед словом.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Слово, формула, имя

✣

Слово в обряде употребляется иначе, чем в разговоре: оно не сообщает, а *совершает*.

Различие это указал философ Джон Остин: есть высказывания, описывающие положение дел, и есть такие, которые его *устанавливают*. «Объявляю вас мужем и женой», «клянусь», «нарекаю», «объявляю заседание открытым» — сказанное здесь и есть само действие.

Условия, при которых это работает, он же и перечислил: должен быть заведённый порядок; говорящий должен иметь право; слова должны быть произнесены полностью и верно; обстоятельства должны подходить. Нарушь любое — и слово останется звуком.

Формула. Оттого обрядовые слова неизменны и часто архаичны: их не сочиняют заново. Ошибка в них ощущается как порча дела, и в иных обрядах требуют произнести сызнова.

Имя. Наречение есть сильнейшее из обрядовых слов: им человек включается в род и в общество. Об этом подробнее — в книге об имени.

И правило: *слово в обряде говорится вслух, при свидетелях и целиком*. Сказанное про себя не совершает ничего — ибо не становится общим знанием.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Свидетели

✣

Свидетель есть не украшение обряда, а его действующая часть. Без него перемена не совершается.

Причина в устройстве человеческих дел. Чтобы новое положение держалось, мало, чтобы о нём знал всякий: надобно, чтобы *всякий знал, что знают и прочие*. Такое знание зовётся общим, и обряд есть способ его создать.

Оттого свадьбу играют при гостях, присягу принимают перед строем, приговор объявляют публично, а договор скрепляют при двух подписях. Тайное соглашение действует хуже явного не потому, что менее искренне, а потому, что его некому подтвердить.

Отсюда правила. Свидетелей должно быть довольно и они должны *видеть*. Обряд, совершённый за спинами, не удостоверен. Оттого и устраивают возвышения, круги, проходы — чтобы видели все.

Отсюда же и участие. Свидетель, сделавший что-нибудь сам — отозвавшийся, поднявший руку, пропевший, поднёсший, — свидетельствует крепче молчаливого зрителя.

И заметим о *личном* обряде: там свидетелем выступает сам человек — вчерашний и завтрашний. Оттого *личные* обряды скрепляют записью и вещью, о чём в главе тридцать первой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Место и время

✣

Обряд требует своего места и своего часа — и это не прихоть: тем он и отделяется от обыденного.

Место. Очерченное, обособленное, обращённое к средине: круг, храм, зал, поляна, стол. Черта — порог, ограда, ковёр — объявляет, где кончается обыденное. Внутри круга действуют иные правила, и всякий это чувствует.

Время. Назначенный час, отличный от рабочего; переломы суток — рассвет, закат, полночь; переломы года — солнцеворот, равноденствие, начало жатвы.

Оттого календарь есть расписание обрядов. Он размечает год так, чтобы время не текло однообразно: у него появляются узлы, к которым готовятся и о которых вспоминают.

Правило устроителя. Если нельзя переменить место, переменяй его *вид*: переставь мебель, погаси свет, накрой стол, встань в круг. Малое усилие здесь даёт больше, чем длинные речи.

И правило участнику: *приходить вовремя и не выходить посреди*. Обряд, из которого выходят по своим делам, распадается: он держится тем, что все внутри одного круга и одного часа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТЧЕГО ОН РАБОТАЕТ

Внушение, внимание, затрата и общее движение;
отчего обряд унимает тревогу,
закрепляет память и работает без веры

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Обряд и внушение

✣

Всё, что сказано в книге о внушении об обстановке и весе источника, приложимо здесь без изменений: обряд есть обстановка в чистом виде.

Место и обряд сами по себе создают ожидание: сказанное в храме, в зале суда, при поднятом флаге принимается иначе, чем то же самое на лестнице.

Предсказуемость. Порядок, совершаемый неизменно, убеждает не содержанием, а *устроенностью*: то, что идёт по чину, кажется установленным и проверенным.

Вес совершающего. Облачение, звание, право произнести формулу — всё это прибавляет силы словам, ничего не доказывая. Оттого обряд и служит там, где доказать нечего: перемена не доказывается, она объявляется.

Ожидание перемены. Человек, прошедший обряд, ждёт от себя иного поведения — и ведёт себя иначе; окружающие ждут того же и обходятся с ним по-новому. Круг замыкается, и перемена делается действительной.

Отсюда и честная оговорка: *обряд действует на состояние и на отношения, а не на вещи*. Он не лечит болезни и не меняет погоды; он меняет то, как люди относятся друг к другу и к самим себе, — а это немало.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Обряд и внимание

✣

Вторая опора обряда — сужение внимания, о коем сказано в отдельной книге.

Как оно достигается. Отделённое место убирает постороннее; неизменный порядок избавляет от выбора; повторяемое движение и напев занимают ум; свечи, огонь, единая точка зрения собирают взгляд.

Что из этого следует. Внимание, суженное на происходящем, оставляет мало на проверку — и потому сказанное принимается легче; и оставляет мало на постороннюю заботу — и потому обряд даёт отдых от неё.

Отсюда и поглощённость. В обряде время идёт иначе: час службы, шествия или общего пения проходит незаметно. Это то же состояние, что описано в книге о внимании, — и оно ценно само по себе.

И отсюда же его хрупкость. Всякое отвлечение рушит его: зазвонивший прибор, опоздавший, шёпот за спиной. Оттого в обрядах строги к мелочам — и строгость эта разумна.

Правило устроителя: *убери всё, что может внезапно зашуметь*, и не заполняй обряд подробностями. Простое действие, совершаемое медленно и при тишине, держит внимание вернее пышности.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Затрата как знак

✣

Обряды дороги: они требуют времени, денег, труда, а порою боли. Это не расточительство, а *устройство*.

Смысл затраты в том, что она *не подделывается*. Слова стоят дёшево, и всякий может их сказать; готовность потратиться свидетельствует о серьёзности намерения, ибо обходится тому, кто лжёт, столь же дорого, сколь и правдивому.

Отсюда объяснение того, что кажется нелепым со стороны: испытания при посвящении, длинные посты, дорогие свадьбы, многодневные праздники. Всё это — плата, делающая обещание убедительным.

Наблюдения подтверждают связь: сообщества, требующие от участников больших затрат и ограничений, держатся дольше и связаны крепче. Плата отсеивает случайных и связывает оставшихся.

Оборотная сторона очевидна: та же самая затрата легко обращается в поборы и в издевательство, а мера её определяется не пользою, а состязанием — чья свадьба богаче. Об этом — главы тридцать четвёртая и тридцать восьмая.

Мера здесь такова: *затрата должна быть общей и посильной*. Разорительный обряд служит уже не связи, а тщеславию.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Согласованное движение

✣

Есть в обряде приём древнейший и действующий помимо всякого понимания: *делать одно и то же вместе и в лад*.

Пение хором, шаг в ногу, общий поклон, хлопки, качание, хоровод, повторение слов за ведущим — всё это встречается у всех народов и во всех обрядах.

Что оно делает. Проверено опытами: *люди*, двигавшиеся в *лад* — шагавшие вместе, певшие вместе, стучавшие в такт, — после охотнее помогают друг другу, доверяют больше и лучше действуют сообща. Отличие от тех, кто *делал* то же вразнобой, устойчиво.

Отчего так. Объясняют по-разному: стиранием границы между собою и другим; общим ритмом дыхания и пульса; тем, что согласованность есть видимое доказательство единодушия. Спор не решён; явление же надёжно.

Употребление. Оттого войско ходит в ногу, храм поёт хором, а собрание встаёт разом. И оттого же ради связи людей вернее устроить общее *действие*, нежели общую речь.

И предостережение: то же средство делает толпу единодушной без разбора, к чему её ведут. Об этом — в книге о внушении, в главах о толпе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Тревога и обряд

✣

Обряды густеют там, где велика неопределённость: перед боем, перед морем, перед родами, перед испытанием, перед смертью.

Бронислав Малиновский, наблюдая островитян, заметил: рыбаки, ловившие в спокойной лагуне, обрядов почти не имели; те же люди, выходя в открытое море, где опасность и удача непредсказуемы, совершали их множество.

Отсюда его вывод: обряд заполняет промежуток между тем, что человек может сделать, и тем, что от него не зависит. Он не заменяет умения — он даёт *что делать* там, где делать больше нечего.

Опыты подтверждают это и в наши дни: короткое обрядовое действие перед испытанием или выступлением уменьшает тревогу и улучшает исполнение — и, что любопытно, действует даже у тех, кто не приписывает ему никакой силы.

Отсюда объяснение обрядов спортсменов, музыкантов и лётчиков: они не суеверны сверх меры — они пользуются работающим средством.

И мера: *обряд уместен там, где сделано всё возможное*. Заменяющий подготовку он вреден вдвойне, ибо успокаивает не по заслугам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Обряд и память

✣

Обряд есть способ *отметить* событие так, чтобы оно не смешалось с прочими днями.

Устройство памяти, изложенное в отдельной книге, объясняет это вполне. Помнится необычное, зримое, задевающее чувство и связанное с местом. Обряд даёт всё четыре разом: особое место, особое время, зримое действие и волнение.

Оттого обряды становятся вехами. Жизнь без них течёт однообразно и вспоминается короткой; размеченная праздниками, посвящениями и годовщинами — помнится подробно.

Годовщина есть обряд повторения памяти: она собирает тех же людей, возобновляет рассказ и тем поддерживает след, который иначе выцвел бы. То же делают поминки в назначенные дни.

Вещь как памятка. Кольцо, фотография, диплом, лоскут ткани — предметы, вынесенные из обряда, служат подсказками, о коих сказано в книге о памяти: они возвращают целое переживание.

Правило устроителя из этого: *дай участникам одну вещь и один образ*, которые они унесут. Через год они не вспомнят речей, но вспомнят, что держали в руках.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Обряд без веры

✣

Здесь главный вопрос книги: работает *ли* обряд, если совершающие его не верят в стоящее за ним учение.

Ответ: *работает*, и вот отчего. Всё, что делает обряд, изложено в предыдущих главах: отделяет, сужает внимание, требует затраты, соединяет движением, создаёт общее знание и оставляет памятку. Ни одно из этих действий не требует веры в чудо — довольно *участия*.

Отсюда и наблюдаемое: неверующие *люди* справляют похороны по чину и находят в этом опору; спортсмен, не считающий себя суеверным, повторяет своё действие перед выходом; семья, не помнящая праздничного смысла, дорожит порядком его справления.

Условие одно и оно строгое: надобно *делать*, а не изображать. Участвующий вполсилы и подмигивающий соседу разрушает обряд *для* себя и *для* прочих; здесь то же, что в книге о ментализме сказано о двойной действительности.

Чего вера прибавляет. Она прибавляет смысл и связывает обряд с большим целым. Без неё обряд остаётся действующим, но становится *меньше*: он устраивает отношения между *людьми* и не говорит ни о чём сверх того.

Отсюда и честная мера, годная всякому: *участвуй в том, во что не веришь, если уважаешь тех, для кого это важно, — и не изображай того, чего не делаешь*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Кто такие «мы»

✣

Всякий обряд проводит черту: есть те, кто внутри, и те, кто вовне. Это его свойство, а не изъян, — но свойство обоюдоострое.

Что он даёт своим. Уверенность в том, что рядом свои; общее прошлое, хотя бы недавнее; порядок отношений; и ту связь прошедших вместе через порог, о коей писал Тёрнер.

Что он делает с чужими. Отделяет. Чужой узнаётся по незнанию порядка: он не знает, когда встать, что ответить, как держать руки. Оттого обряд есть и *испытание на принадлежность*.

Отсюда две крайности. Обряд закрытый, куда не допускают, крепче связывает своих и вернее плодит вражду. Обряд открытый, куда зовут всякого, слабее связывает и легче стирается.

Правило устроителя, вытекающее из этого: *объясняй порядок вслух*. Одна фраза — «сейчас мы делаем то-то, вы можете просто стоять» — превращает чужого из осуждённого в гостя.

И заметим о нынешнем времени: людям недостаёт не обрядов вообще, а *общих* обрядов. Праздники разошлись по домам и по кружкам, и общее знание, ради которого обряд и существует, складывается всё труднее.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ОБРЯДЫ В ЖИЗНИ

Рождение, совершеннолетие, свадьба и похороны;
ремесло, войско, дом —
и обряды нынешние, которых не замечают

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Рождение и наречение

✣

Первый обряд человека совершается над ним без его участия, и устроен он по общей схеме.

Отделение касается здесь прежде всего матери: у многих народов роженица считалась находящейся в особом состоянии и на срок отделялась от обыденного — ей предписывались покой, особая пища, запреты.

Промежуток. Дитя до наречения не считалось вполне включённым: оно ещё не имело имени, а стало быть, не имело и места в роду. Отсюда обычаи защиты новорождённого — не показывать, не хвалить, не называть до срока.

Включение совершается наречением и представлением роду: имя произносится вслух, ребёнка вносят, показывают, кладут на порог, дают деду на руки. С этой минуты он свой.

Об имени и его силе — отдельная книга; здесь довольно сказать, что наречение есть сильнейшее из обрядовых слов: оно единым действием вносит человека в перечень живущих.

Нынешние обряды этого рода — выписка, запись в книгу актов, крестины, первое представление родне — устроены так же, хотя и не сознают этого. И работают они тем лучше, чем яснее в них третья часть: *кто и перед кем признал ребёнка своим*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Совершеннолетие

✣

Обряд посвящения юношей и девушек изучен подробнее прочих и всюду устроен одинаково.

Отделение — уход из дома, разлука с матерью, жизнь в особом месте. **Промежуток** — испытание: пост, боль, страх, обучение тайному знанию, новое имя. **Возвращение** — выход к своим в новом качестве: с правом жениться, носить оружие, говорить в собрании.

Владимир Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки» показал, что сказка сохранила устройство этого обряда почти целиком: уход из дома, лес, избушка на грани миров, испытание, помощник, возвращение с невестой и царством.

Отчего испытание. Оно делает переход *заметным* и оплаченным, о чём в главе девятнадцатой. Мужчиною становятся не по возрасту, а по признанию общества — и признание должно быть за что-то дано.

Что стало ныне. Обряд этот распался: паспорт, выпускной, армия, первая работа, первый заработок — вехи есть, но они разрознены и не объявляют перемены прямо. Оттого нынешние подростки нередко изобретают себе испытания сами — и изобретают опасные.

Отсюда мысль для семьи: *лучше устроить переход, чем ждать, что он произойдёт сам*. Обряд, придуманный домашними и сделанный всерьёз, надёжнее случайного.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Свадьба

✣

Свадьба есть обряд перехода для двоих и вместе с тем договор между семьями, объявляемый при свидетелях.

Отделение. В русской свадьбе оно разработано подробнее всего: сватовство, рукобитье, девичник с причитаниями, расплетание косы. Невеста *оплакивалась* — она уходила из своего рода, и уход этот был подобен смерти для прежней семьи.

Промежуток. Дорога, венчание, выкуп, порог дома жениха, через который невесту переносят: она уже не там и ещё не здесь.

Включение. Новая одежда и головной убор, новое имя — по мужу, новое место в доме, общий стол. С этой минуты семья признана и объявлена.

Что здесь существенно. Свидетели: свадьба без гостей есть подпись в книге, а не свадьба. Затрата: она свидетельствует о серьёзности, о чём в главе девятнадцатой. И произнесённое вслух согласие — то самое слово, которое совершает.

Нынешняя свадьба сохранила всё это, потеряв объяснения. Оттого при её устроении полезно спрашивать себя: *где здесь отделение, где порог и чем объявлено включение*. Обряд, в котором есть только застолье, оставляет молодых без перехода.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Похороны и траур

✣

Похоронный обряд совершается дважды: над умершим и над живыми, — и вторая его часть важнее первой.

Для умершего: омовение, облачение, прощание, вынос, погребение, поминовение в назначенные дни. Перевод из состояния живого в состояние поминаемого совершается постепенно, а не разом.

Для оставшихся: траур есть *промежуток* в чистом виде. Особая одежда, запреты — не веселиться, не жениться, не петь, — отстранение от обыденного. И назначенный срок, по истечении которого траур снимается: девять дней, сорок, год.

Отчего нужен срок. Он даёт горю *границу*: скорбеть дозволено и предписано — и предписано перестать. Без такой границы человек либо стыдится горевать, либо не может остановиться.

Отчего нужны плачи. Готовая форма даёт выход чувству, для которого своих слов нет; и общий плач избавляет от одиночества. Оттого в старину плакальщицы вели обряд: горе высказывалось *по чину*, и это помогало.

Нынешнее время утратило траур и оттого хуже справляется с утратой. Возражения о «пережитках» здесь неуместны: *обряд горя есть единственное средство, работающее без слов утешения*, коих всё равно никто не находит.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Ремесло и посвящение

✣

Всякое ремесло, где есть умение, отделяющее знающего от незнающего, заводит обряд посвящения.

Цеховой обычай. Ученик, подмастерье, мастер; переход между ними отмечался испытанием — изготовлением образцового изделия, — и принятием в цех при свидетелях, с угощением за счёт принимаемого.

Тайна ремесла. Обряды эти всегда содержали передачу знания, не выносимого вовне: приёмы, слова, знаки. Тайна служила и защитой промысла, и платой за вход.

Нынешние виды. Защита работы перед собранием; вручение диплома; принятие присяги врачом; первый самостоятельный полёт с обливанием водой; посвящение в студенты. Устройство прежнее: испытание, признание, знак.

Отчего это не формальность. Признание сообществом есть то, чего человек не может дать себе сам. Диплом, полученный по почте, не делает того, что делает защита перед людьми, знающими дело.

И предостережение, о коем подробнее в главе тридцать четвёртой: *испытание должно быть по существу ремесла*. Всё, что превращает посвящение в унижение новичка, есть подмена обряда властью старших.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Войско и власть

✣

Там, где от людей требуется действовать сообща и вопреки страху, обрядов больше всего, и они строже.

Присяга есть слово, которое совершает: произнесённое вслух и при строю, оно устанавливает обязанность. Оттого её принимают публично, а не подписью.

Строй и шаг в ногу — согласованное движение из главы двадцатой, обращённое в устройство: оно связывает людей вернее речей и оттого сохраняется, хотя давно не имеет боевого смысла.

Знамя, знаки различия, награды — вещи, о коих в главе тринадцатой: они делают положение видимым и переносимым из рук в руки.

Обряды власти: венчание на царство, вступление в должность, открытие собрания, вынесение приговора стоя. Всюду одно: власть не только берётся — она *объявляется* при свидетелях, и тем делается общим знанием.

Отсюда и понятно, отчего перевороты первым делом захватывают обрядовые места и знаки: власть, не объявленная по чину, шатка, хотя бы сила и была в руках.

И предостережение: те же приёмы соединяют людей и в дурном деле. Обряд не выбирает, ради чего он связывает, — о чём сказано в главе шестой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Домашние обряды

✣

Самые частые обряды не имеют ни жрецов, ни зрителей: они совершаются дома и составляют ткань семейной жизни.

Какие они. Общий ужин в назначенный час; укладывание ребёнка с одними и теми же словами; воскресный пирог; ёлка с одними и теми же игрушками; поездка в одно и то же место; «как прошёл день» на пороге.

Чем они держатся. Тем же, чем и всякий обряд: неизменностью и повторением. Их сила не в содержании, а в том, что *это делается всегда*.

Что они дают. Детям — предсказуемость, из коей растёт спокойствие; взрослым — вехи в однообразии; семье — то самое общее знание: «у нас так заведено».

Личные обряды — утренний порядок, обряд входа в работу, о коем в книге о внимании, обряд отхода ко сну, о коем в книге о сне. Свидетелем здесь выступает сам человек — вчерашний и завтрашний.

Правило простое: *заводить немногое и держать неизменно*. Три домашних обряда, соблюдаемых годами, дают больше, чем двадцать, заведённых и брошенных.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Обряды нынешние

✣

Говорят, что наш век утратил обряды. Вернее сказать, что он их не узнаёт: они переменили платье, но не устройство.

На службе: утреннее собрание, разбор итогов, проводы уходящего с подарком и речами, приём нового с представлением всем. Всё это обряды включения и исключения, и делаются они дурно именно там, где считаются формальностью.

Общественные: открытие состязаний, минута молчания, поднятие флага, шествие с портретами. Устройство древнее: отделённое время, общее движение, свидетели.

В сети: поздравление в назначенный день, годовщина, выкладывание снимков с общего события, совместный просмотр в назначенный час. Слабость их в том, что участники не находятся *в одном месте и часе*, и общее знание складывается неполно.

Личные: первая чашка кофе, пробежка, порядок сборов. Люди держатся за них крепче, чем признаются, и раздражаются при нарушении — верный признак, что это обряд, а не привычка.

Итог: *обрядов не стало меньше; стало меньше общих*. Оттого и жалуются на разобщённость — при изобилии праздников и годовщин, справляемых порознь.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГРАНИЦА

Когда форма переживает смысл, когда обряд принуждает,
где кончается порядок и начинается болезнь —
и можно ли завести обряд нарочно

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Пустой обряд

✣

Обряд живёт неизменностью и от неё же умирает: форма переживает то, ради чего заведена, и остаётся исполняемой без смысла.

Признаки пустоты. Участники не знают, зачем это делается, и не могут ответить внятно. Никто не назначает нового и не отменяет старого. Совершается наспех и с досадой. Все ждут окончания.

Отчего это не всегда беда. Иные обряды переживают своё объяснение и продолжают работать: они по-прежнему отделяют, собирают и отмечают. Смысл может смениться, а польза остаться.

Когда это беда. Когда обряд *занимает место дела*: собрание вместо работы, отчёт вместо изменения, торжество вместо помощи. Тогда он не только пуст, но и вреден: он даёт чувство, что нужное сделано.

Что делать. Три возможности: возобновить смысл — объяснить, что и зачем; переделать — открыто и объявив о перемене; отменить — также открыто.

Худшее же — *тихая порча*: сокращать понемногу, исполнять кое-как, не отменяя. Так обряд разлагается, а вместе с ним и уважение к прочим.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Обряд как принуждение

✣

Всё, что делает обряд сильным, делает его и опасным: он ставит человека в положение, где отказаться трудно.

Устройство принуждения. Участник в промежутке беззащитен: знаков различия нет, порядок ему неизвестен, все смотрят. Отказ виден всем и толкуется как оскорбление — и оттого соглашаются на то, на что не согласились бы наедине.

Где это встречается. Издевательские посвящения в училищах, казармах и на службе; принудительное веселье на корпоративных празднествах; поборы «по обычаю»; клятвы и обещания, вымогаемые при собрании.

Приметы дурного обряда. Испытание не по существу дела, а ради унижения. Затрата, разорительная для участника. Невозможность выйти без позора. Тайна, скрывающая происходящее от посторонних. И самое верное: *устроители не проходят того же сами*.

Правило устроителя: всякому обряду нужен *явный способ не участвовать* без ущерба. Названный вслух и без насмешки: «кто не хочет — постоит рядом».

И правило участника: *согласие, данное при всех, есть согласие не вполне свободное*. Оттого дела, которые вас связывают, решают не на празднике и не в кругу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Личные обряды и навязчивость

✣

Личный обряд полезен: он даёт вход в работу, отход ко сну, спокойствие перед испытанием. Но у него есть тёмный двойник, и различать их надлежит твёрдо.

Обряд совершается ради порядка и придаёт уверенность. Пропущенный, он вызывает лёгкую досаду — и жизнь идёт дальше.

Навязчивое действие совершается ради *предотвращения беды* и унимает тревогу лишь на время. Пропущенное, оно вызывает нарастающий страх; число повторений растёт; на него уходят часы; человек сам считает его лишним и не может прекратить.

Различие не в самом действии — проверить дверь можно и так и этак, — а в *том, чем оно движимо и чего стоит*. Обряд служит человеку; навязчивость служит себе и питается тем, что её исполняют.

Когда к врачу. Если это занимает более часа в день, если мешает работе и близким, если сопровождается страхом беды при пропуске. Расстройство это распознаваемо и лечится.

И заметим для справедливости: *приметы и обереги сами по себе не болезнь*. Они делаются ею лишь тогда, когда начинают распоряжаться жизнью, а не украшать её.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Чего обряд не может

✣

Соберём пределы, дабы не ждать от порядка того, чего он не даёт.

Он не действует на вещи. Не лечит болезни, не меняет погоды, не заставляет расти хлеб. Всё, что он меняет, есть состояние людей и отношения между ними.

Он не заменяет дела. Проводы вместо помощи, минута молчания вместо расследования, торжественное обещание вместо исправления — всё это подмены, и подмены удобные, ибо дают чувство совершённого.

Он не создаёт чувства. Он даёт чувству форму. Тому, кто ничего не чувствует, обряд не внушит любви или горя; тому, кто переполнен, — даст выход.

Он не держится принуждением. Обряд, в котором участвуют из страха, сохраняет вид и теряет действие: общего знания он не создаёт, ибо все знают, что участие вынужденное.

И он не отменяет вражды. Совместное действие связывает участников — и тем резче отделяет их от прочих, о чём в главе двадцать четвёртой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Можно ли изобрести обряд

✣

Возражают: обряд силён древностью, а нарочно заведённый есть подделка. Возражение основательное и всё же неверное.

Историки показали, что многое, чтимое за древность, заведено недавно и намеренно: церемонии, мундиры, «исконные» праздники и обычаи, коим от роду полтора века. Это назвали изобретением традиции.

Отсюда вывод: *обряды заводятся* — и заводились всегда. Вопрос не в том, можно ли, а в том, что делает заведённое живым.

Условия, при которых новый обряд приживается. Он отвечает *настоящей нужде* — отмечает подлинную перемену, а не выдуманную. Он *прост*: три действия, которые всякий запомнит. Он *повторяем* в назначенный срок. У него есть *вещь* и *слово*. И его *соблюдают устроители*, а не одни лишь подчинённые.

Отчего новые обряды не приживаются. Оттого, что придуманы к случаю; оттого, что сложны; оттого, что участие в них вынужденное; и оттого, что отменяются при первой занятости.

Правило же таково: *обряд делается древним, если его повторить трижды и не переменить*. Иные семейные обычаи возникают из случайности — и через десять лет ощущаются исконными.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила устроителя

✣

Соберём правила для того, кто устраивает обряд, — будь то свадьба, проводы, посвящение или домашний праздник.

> Отделить, провести через порог, вернуть в новом качестве и объявить об этом при свидетелях.
> Всё прочее — подробности.

Проверь три части. Есть ли отделение; есть ли промежуток; есть ли ясное включение. Чаще всего недостаёт третьей.

Держи простоту. Немного действий, медленно и при тишине; одно слово, одна вещь, один образ, который унесут.

Дай участие всем. Пусть каждый сделает что-нибудь сам: скажет, поднесёт, встанет, пропоёт. Свидетель, сделавший что-то, свидетельствует крепче.

Назначь свидетелей и дай им видеть.

Оставь путь для отказа — названный вслух и без насмешки.

Соблюдай сам то, что предписываешь другим: обряд, из которого устроители себя изъяли, мёртв с первого дня.

И кончай вовремя. Затянувшийся обряд оборачивается в тягость и портит память о себе.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила участника

✣

И правила для того, кто участвует, — то есть для всякого, ибо участвуем мы чаще, чем устраиваем.

Делай, а не изображай. Участие вполсилы разрушает обряд для себя и для соседей; здесь довольно одного подмигивающего.

Приходи вовремя и не выходи посреди. Обряд держится тем, что все внутри одного круга и часа.

Уважай чужой порядок. Не веря, можно участвовать из уважения к тем, для кого это важно; и можно не участвовать — спросив прежде, как это сделать, не оскорбив.

Спрашивай о порядке заранее, а не посреди: незнание чужого чина есть неловкость, а не грех.

Помни о принуждении. Согласие, данное при всех, не вполне свободно; важные решения не принимают в кругу и в подъёме.

И не смейся над чужим обрядом. Всякий обряд со стороны выглядит нелепо — в том числе и твой. Смеющийся над чужим порядком показывает лишь, что не знает устройства собственного.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: порядок и мера

✣

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Обряд есть *порядок*, *повторение* и *свидетель*. Он не доказывает и не убеждает — он устанавливает: после него положение дел иное, и все знают, что все это знают.

Устроен он всюду одинаково: *отделение*, *порог*, *возвращение*. Обряд, не имеющий третьей части, оставляет людей в промежутке — и это первая причина неудач.

Действует он не чудом, а тем же, чем действуют внушение, внимание и память: обстановкой, сужением внимания, затратою, общим движением и памяткою, которую уносят. Оттого он *работает и без веры* — лишь бы участвовали, а не изображали.

Пределы его строги: он не действует на вещи, не заменяет дела, не создаёт чувства и не держится принуждением. И та же сила, что связывает своих, отделяет чужих, — о чём стоит помнить всякому устроителю.

И последнее. *Порядок сам по себе не добр и не зол*: он связывает людей ради того, ради чего устроен. Оттого мера здесь есть не украшение, а условие: спрашивай не «красиво ли вышло», а *что теперь стало правдой между этими людьми*.

✣

РИТУАЛ

Порядок, повторение, свидетель

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм